

Может быть, книгу «Ольга. Запретный дневник», подготовленную Наталией Соколовской, не стоит называть самой реальной книгой о войне, но мне сразу пришло в голову именно это определение. И, наверное, любому своему студенту, в общем, молодому человеку, который совершенно не в курсе реальности нашего прошлого, я бы дала именно эту книгу.

Книга состоит из дневников 1939–1949 годов, фрагментов второй части книги «Дневные звезды», писем, избранных стихотворений и поэм, документов и фотографий, материалов следственного дела № П-8870 из архива УФСБ. Здесь ценно все, но мне особенно близка дневниковая часть. Современный мир живет в инстаграме, частично в фейсбуке. Я на минутку представила себе, что фрагментарные записи Берггольц висят, например, в соцсетях. И каждый день она пишет новые заметки, а под ними, вероятно, самые разные комментарии.

Я помню, как в школе читала наизусть стихотворение Берггольц (забыла какое), помню отчетливо ощущение того, что хочется и надо заплакать навзрыд, но почему-то нельзя. Хочется, но нельзя. Я очень хорошо помню, как слезы стояли у меня в глазах, пока я читала стихотворение, и я помню, как замер класс (у меня были исключительно умные одноклассники, с которыми можно было разделить многое). На этом все. Я так и не заплакала.

И поразила сейчас, когда на первой же странице дневников увидела слова Берггольц (39-й год): «Я страстно мечтала о том, как буду плакать, увидев Колю и родных, – и не пролила ни одной слезы». В этой фразе я узнала то состояние, в котором читала стихотворение классе в девятом или десятом. Вот так она умела чувствовать и писать.

Еще поразительна способность Берггольц не только выживать, но и жить в невероятных условиях. Я думаю, что многие представляют себе тюрьму и войну как черную безысходность. Но даже из этой безысходности находится выход, даже в условиях этой катастрофы удается любить и творить, постоянно работать. И как-то сразу забывается все неважное, а все важное вырывается на первый план. Сама жизнь становится более настоящей, более реальной, потому что за нее надо хвататься: «Произошло то же, что в шемящей щедринской сказке “Приключения с Крамольниковым”»: “Он понял, что все оставалось по-прежнему, – только душа у него “запечатана”. <...> “Со мною это и так, и все-таки не так. Вот за это-то “не так” и хватаюсь”». И далее: «А может быть, это и есть настоящая зрелость?»

Думается, это не просто зрелость, а сознание реальности. Сложно себе представить настолько ясное сознание. В книге Берггольц, на ее страницах – настоящая жизнь. В ней все перемешано до такой степени, что вопрос о человеческом счастье мгновен-

но растворяется в других мыслях: «Что же, так и не даст мне жизнь счастья – никогда?» Видимо, никогда. Как говорил Осип Мандельштам Надежде Яковлевне, «а кто тебе сказал, что ты должна быть счастлива?». Хороший вопрос в масштабах бытия и немислимый в сегодняшнем восприятии реальности.

Из дневника 41-го года: «Иудушка Головлев говорит накануне своего конца: “Но куда же все делось? Где все?”».

Страшный, наивный этот вопрос все чаще, все больше звучит во мне. Оглядываюсь на прошедшие годы и ужасаюсь не только за свою жизнь. Где всё? Куда оно провалилось, в чем исчезает, а главное – зачем, зачем?!

Перечитываю сейчас стихи Бориса Корнилова – сколько в них силы и таланта! Он был моим первым мужчиной, моим мужем и отцом моего первого ребенка, Ирки.

Завтра ровно пять лет со дня ее смерти.

Борис в концлагере, а может быть, погиб». И тут же Берггольц говорит о стихах, об Александринке, об Ирке, о Коле, о тюрьме, о врачах, о том, что делать, как работать и как жить. И удивительно, что этот набор событий, фактов, ужасов как-то умещается в ее голове, и на этом фоне она способна работать, переписываться с друзьями, с коллегами, любоваться природой, выступать с чтением стихов. «Никто не забыт, ничто не забыто» не просто *фраза*. Берггольц действительно ничего и никого не забывала.

Вот я внезапно и вспомнила стихотворение, которое читала в школе, известное стихотворение. Наверное, в школе все учат:

*...Третья зона, дачный полустанок,
у перрона – тихая сосна.
Дым, туман, струна звенит в тумане,
невидимкою звенит струна.
Здесь шумел когда-то детский лагерь
на веселых ситцевых полях...
Всю в ромашках, в пионерских флагах,
как тебя любила я, земля!
Это фронт сегодня. Сотня метров
до того, кто смерть готовит мне.
Но сегодня – тихо. Даже ветра
нет совсем. Легко звучать струне.
И звенит, звенит струна в тумане...
Светлая, невидимая, пой!
Как ты плачешь, радуешься, манишь,
кто тебе поведал, что со мной?
Мне сегодня радостно до боли,
я сама не знаю – отчего.*

*Дышит сердце небывалой волей,
силою расцвета своего.
Знаю, смерти нет: не подкрадется,
не задушит медленно она, –
просто жизнь сверхнет и оборвется,
точно песней полная струна.
...Как сегодня тихо здесь, на фронте.
Вот среди развалин, над трубой,
узкий месяц встал на горизонте,
деревенский месяц молодой.
И звенит, звенит струна в тумане,
о великой радости моля...
Всю в крови,
в тяжелых, ржавых ранах,
я люблю, люблю тебя, земля!*

Берггольц говорила: «Знаю, в стихах у меня много недостатков». И тем не менее, если знать контекст, недостатки скрадываются, а прорывается сквозь боль – огромная любовь к стране.

